

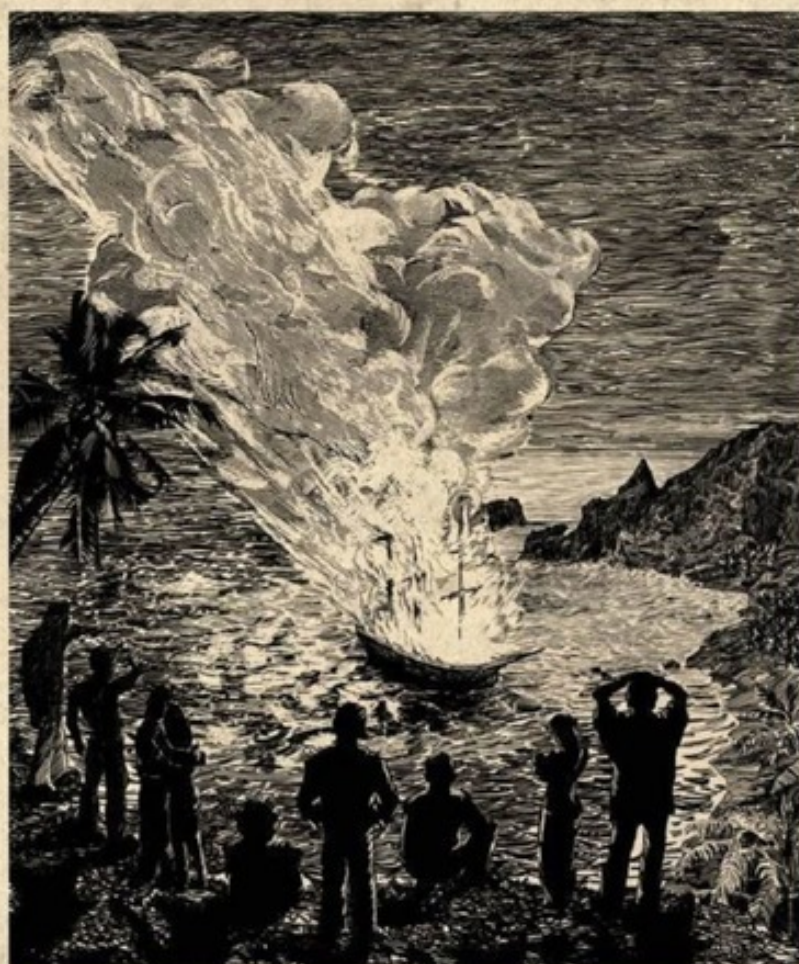
Дмитрий

Семакин

САГА

О МЯТЕЖЕ НА
«БАУНТИ»
И ОБ ОСТРОВЕ
ПИТКЭРН

ТОМ
II

Дмитрий Семакин

**Сага о мятеже на «Баунти» и
об острове Питкэрн. Том II**

«Издательские решения»

Семакин Д. Е.

Сага о мятеже на «Баунти» и об острове Питкэрн. Том II /
Д. Е. Семакин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932582-2

Роман с путешествием: электронная версия в трёх томах — к 10-летию первого издания. Впервые в русскоязычной научно-популярной литературе — фундаментальный авторский труд о «самом захватывающем приключении всех времён и народов»: легендарный бунт на корабле — и невероятная, продолжающаяся до сих пор история одного из самых изолированных человеческих поселений на планете. Во втором томе — всё об острове Питкэрн.

ISBN 978-5-44-932582-2

© Семакин Д. Е.
© Издательские решения

Содержание

Том II	7
ПИТКЭРН	8
ПРОЛОГ	9
Глава первая	15
ОСТРОВ	16
Точка на глобусе	16
Предыстория	19
Открытие	22
Питкэрн и Кук	25
Последний маршрут «Баунти»	27
Выбор Флетчера Кристиана	29
Прибытие	32
Поселенцы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сага о мятеже на «Баунти» и об острове Питкэрн Том II

Дмитрий Евгеньевич Семакин

Посвящается моим родителям

Иллюстратор Мария Сергеевна Ашихмина

© Дмитрий Евгеньевич Семакин, 2018

© Мария Сергеевна Ашихмина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2582-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

САГА О МЯТЕЖЕ НА «БАУНТИ» И ОБ ОСТРОВЕ ПИТКЭРН

Роман с путешествием

*К 200-летию открытия поселения на острове Питкэрн
капитаном Мэйхью Фолджером
(китобойное судно «Топаз», 1808)*

и

*к 175-летию со дня первого посещения Питкэрна
русским кораблем (военный транспорт «Америка», 1833)*

Том II

ПИТКЭРН

«...Few other small communities can be so well-known around the world or held in such universally warm regard as is Pitcairn and its people...»

(«...Немногие малые сообщества столь хорошо известны по всему миру, или повсюду испытывают столь теплое внимание, как Питкэрн и его народ...»)

Из речи Ее Величества Королевы Елизаветы II по случаю 200-летия заселения острова Питкэрн, 1990.

«PITCAIRN ISLAND. The world needs you more than you need the world»

(«ОСТРОВ ПИТКЭРН. Ты нужен миру больше, чем мир – тебе»)

Анонимное объявление по случаю наступления Третьего Тысячелетия; лондонская газета Daily Mail, 1 января 2000.

ПРОЛОГ

«... – Ну, может быть, это все и так, но вот сами китобои – жалкие люди; в их жилах течет не благородная кровь.

Не благородная кровь у них в жилах? В их жилах течет кровь полчище королевской. Бабкой Бенджамина Франклина была Мэри Моррел, в замужестве Мэри Фолджер, жена одного из первых поселенцев Нантакета, положившего начало длинному роду Фолджеров и гарпунищиков – всех кровных родичей великого Бенджамина, – которые и по сей день мечут зазубренное железо с одного края земли на другой.

– Допустим; но все признают, что китобойный промысел – занятие малопочтенное.

Китобойный промысел малопочтенное занятие? Это царственное занятие!..»

Герман Мелвилл «Моби Дик»

(перевод И. Бернштейн)

...В начале 1808 года в пустынной и малоизученной области юго-восточного Тихого Океана оказался американский китобоец «Топаз». Судно, принадлежащее фирме Бордмана и Поупа и ведомое капитаном Мэйхью Фолджером, потомственным зверобоем из Нантакета (штат Массачусетс), вышло из гавани Бостона почти год назад, 5 апреля 1807 года. Намереваясь обойти вокруг света в поисках новых лежищ морских котиков, «Топаз» пошел по следующему маршруту: Острова Зеленого Мыса – Тринидад – Фолкленды; затем, минуя Мыс Доброй Надежды, пересек Индийский Океан, где выдержал жесточайший шторм у острова Кергелен, и в октябре 1807 года бросил якорь в бухте Адвенчер на Ван-Дименовой Земле (ныне – остров Тасмания, Австралия).

Капитан Фолджер, наверное, не знал, что почти 21 год назад в этой же самой бухте Адвенчер по пути на Таити останавливался и легендарный, ныне пропавший без вести, английский корабль «Баунти». Зато Фолджер был, несомненно, прекрасно осведомлен о том, что губернатором австралийской провинции Новый Южный Уэльс (к которому территориально принадлежала и Ван-Дименова Земля) в ту пору служил знаменитый Уильям Блай.

Тот самый Блай. Бывший командир «Баунти».

В те годы в Новом Южном Уэльсе царила таможенная неразбериха, и все, кому не лень, особенно колониальные офицеры и чиновники, неплохо зарабатывали на контрабанде спиртным. В 1806 году Блай был призван Британским правительством раз и навсегда прекратить незаконную торговлю. Сразу надо сказать: у него ничего не получалось. Беспощадная коммерция приносила баснословные барыши всем, и продавцам, и покупателям, и Блай встретил здесь жестокое сопротивление. Против процветающей коррупции он был бессилен. Почти все прибывающие суда практически беспрепятственно продавали крупные партии алкоголя местным дельцам.

И «Топаз» тоже не стал исключением. В порту Хобарт Фолджеру тайком удалось сбыть 420 галлонов рома и джина, и отремонтированный американский китобоец отправился дальше на восток – бить котиков. Оставив позади острова Антиподов и Баунти, «Топаз» вступил в негостеприимные холодные воды сороковых широт Южных Морей.

Судно долго и безуспешно блуждало по океанской пустыне далеко к востоку от Новой Зеландии. Убедившись, что ловить здесь нечего, Фолджер повернул корабль к северу, туда, где было тепло, – в надежде отыскать какую-нибудь сушу, где можно было бы пополнить запасы пресной воды. Судя по морским картам, ближе всего к маршруту лежал некий необитаемый островок, открытый еще сорок лет назад англичанином Картеретом.

Островок назывался Питкэрн.

«Топаз» оказался к востоку от этой едва заметной точки на карте, и Фолджер повел судно на запад вдоль 25-й параллели.

5 февраля в 1:30 пополудни впередсмотрящий увидел на горизонте одинокую скалу. Остров явился взорам американских китобоев значительно раньше, чем предполагалось: как выяснится позднее, первооткрыватели неверно определили координаты и нанесли Питкэрн на карту с ошибкой почти в три градуса (около двухсот миль). Ранним утром 6 февраля 1808 года «Топаз» приблизился к острову, и в шесть часов команда спускает на воду две шлюпки, чтобы подойти вплотную к берегу.

Фолджер и не подозревал, что через несколько минут, как писал Бенгт Даниельссон, «... его ожидает одно из самых сенсационных открытий в истории исследования Тихого Океана».

Сидя в шлюпке и осматривая берег в подзорную трубу, капитан вдруг замечает над островом дым от костра. Как говорится, нет дыма без огня, а где есть огонь – там есть люди.

Питкэрн обитаем?!

На всякий случай матросы берутся за оружие (все прекрасно знали, чем чревата встреча с дикарями), и в этот момент из-за скалы появляется каноэ. В традиционной полинезийской лодке с противовесом – трое молодых парней, и они гребут прямо к шлюпкам. Также американцы замечают в каноэ множество фруктов и даже жирного борова. Фолджер велит своим людям быть готовыми ко всему, но тут происходит нечто совсем неожиданное.

С лодки раздается приветственный клич, и моряки не верят своим ушам: их окликают по-английски! Матрос по имени Эдвард Аллен, вглядываясь в смуглые лица незнакомцев, настороженно произносит: «Должно быть, это испанцы».

...Спустя почти десятилетие, в 1817 году старый друг Фолджера американский мореплаватель Амаса Делано опубликовал в Бостоне книгу «Рассказ о Странствованиях и Путешествиях». В ней он впервые поведал миру, что, по воспоминаниям капитана «Топаза», происходило дальше – после того, как шлюпка китобоев приблизилась к загадочному каноэ.

Последовавший диалог между Фолджером и туземцами прочно укоренился в фольклоре Питкэрна и вошел в легенду.

С каноэ любезно спросили:

– Кто вы?

– Это корабль «Топаз» из Соединенных Штатов Америки. Я владелец, капитан Мэйхью Фолджер, американец.

– Ты американец? Вы прибыли из Америки? А где Америка? В Ирландии?

«Америка в Ирландии»... На такой обескураживающий вопрос Фолджер не нашелся, что ответить¹. Он спросил:

– А вы кто?

– Мы англичане.

– А где вы родились?

– На острове, который вы видите.

– Как вы можете быть англичанами, если вы родились на этом острове, который Англии не принадлежит и никогда не принадлежал?

– Мы англичане, потому что наш отец англичанин.

– Кто ваш отец?

– Алек.

– Кто такой Алек?

¹ Уолтер Хэйз, автор книги о Мэйхью Фолджере «Капитан из Нантакета и Мятеж на Баунти» (Walter Hayes «The Captain from Nantucket and the Mutiny on the Bounty», 1996) считает, что в данном случае имело место недоразумение: взволнованный Фолджер просто не понял вопроса. Как предположил Хэйз, с каноэ спросили: «America? Is it an island?», а капитан «Топаза» расслышал последнюю фразу как «Is it in Ireland?». И то, и другое, с поправкой на питкэрнский акцент, звучит почти идентично: «Из ит ан айрлэнд?» и «Из ит ин Айрлэнд?».

- Вы не знаете Алека?
- Откуда мне знать Алека?
- Хорошо, тогда знаете ли вы капитана Блая с «Баунти»?..

Это было посильнее даже «Америки в Ирландии». Для Фолджера и его команды последний вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. Бывалые китобои от шока на какое-то время потеряли дар речи. Делано вспоминает: «...Фолджер рассказал мне, что вся история мгновенно вспыхнула у него в голове и произвела такое потрясение смешанных чувств изумления, неожиданности и удовольствия, что нельзя описать...»².

«Баунти»! Капитан Блай. Флетчер Кристиан. Таити и хлебное дерево. Легендарный мятеж и таинственное исчезновение. Несколько лет назад эти слова были у всех на устах.

...Мэйхью Фолджер родился 9 марта 1774 года в Нантакете, штат Массачусетс. В 1789 году, когда произошел мятеж на «Баунти», Фолджеру уже исполнилось пятнадцать лет, и капитан «Топаза», конечно, прекрасно знал все перипетии прославленной эпопеи. Историю о том, как один английски моряк захватил корабль, отправил капитана в лодке по воле волн, а сам направился к райскому острову Таити, горячо обсуждали везде: в Старом и Новом Свете, в Соединенных Штатах и в Англии, на торговых и военных судах на всех широтах.

² В своей книге «Капитан из Нантакета» У. Хэйз впервые публикует устный отчет Мэйхью Фолджера, записанный неким Сэмюэлом Коатсом через пару лет после возвращения «Топаза» в Америку. В этом уникальном документе первый диалог между питкэрнцами и американцами выглядит несколько по-иному. Фолджер вспоминает, что поначалу на вопрос «Откуда вы?» он (по неясной причине) ответил: «Из Англии». Дальше он услышал: «Мой отец англичанин, его имя Алек, вы знаете его?» – «Нет» – сказал Фолджер, на что вопрошающий выразил изумление: дескать, если вы из Англии, как вы можете не знать Алека? Затем последовал еще один вопрос, на сей раз о капитане Блае. «Услышав это, я мгновенно догадался, кем этот Алек может быть, – свидетельствует Фолджер – и что он один из мятежников с борта корабля «Баунти»...». Дальше капитан «Топаза» попросил трех молодых людей в каноэ вернуться на берег и пригласить Алека выйти; «...они так и поступили, но его жена, которая была женщиной Отахите, не смогла бы этого вынести, как будто я собирался увести его. Тогда я предположил, что если я дам им знать, что я американец, то он придет; тогда они спросили, где Америка?» Тут один из парней высказал мысль, что Америка, должно быть, где-то в Ирландии, но он никогда не слышал об этом.

Капитан Мэйхью Фолджер; первооткрыватель поселения на острове Питкэрн

Удивительные приключения экипажа «Баунти» не оставили равнодушным никого (том числе, разумеется, и Фолджера). Одни восхищались героическим подвигом капитана Блая, с невероятными лишениями проплывшего вместе со своими людьми три с половиной тысяч морских миль в утлом баркасе. Другие искренне завидовали тем мятежникам, которые, купаясь в плотских удовольствиях, прожили полтора года на сказочном Отахеите. Потом их поймали, доставили в Англию и троих публично казнили. А Блай совершил второе путешествие за хлебным деревом на Таити и благополучно доставил саженцы в Вест-Индию, за что и получил ироничное прозвище «Блай Хлебный Фрукт».

Немыслимые слухи и бурные споры вокруг «Баунти» не утихали лет десять. И всех без исключения волновал последний, главный вопрос.

А куда делся сам корабль во главе с мятежником №1 – вторым помощником штурмана Флетчером Кристианом?

Ведь, как было известно, девять самых отчаянных бунтовщиков, прихватив с собой своих возлюбленных таитянок, в один прекрасный день подняли паруса «Баунти» и навсегда покинули Отахеите в неизвестном направлении. И с тех пор о них ничего не было слышно.

Их долго и безрезультатно искали по всем Южным Морям. Об их судьбе ходили самые фантастические сплетни и домыслы. Но «Баунти» как будто в воду канула.

Возможно, так оно и было – в прямом смысле этого слова? Скорее всего, мятежный парусник вместе с мятежным экипажем просто-напросто затонул где-нибудь в бурном море.

И все, концы в воду. История завершена. Точка.

И вот сейчас, спустя почти двадцать лет, 33-летний капитан Фолджер, услышав о «Баунти» от трех странных обитателей забытого богом островка, буквально остолбенел. Он мгновенно понял: разгадка той давней тайны где-то рядом. Совсем близко.

Так значит, «Баунти» не утонула?!

Из дальнейших расспросов выясняется, что этот самый таинственный «Алек» – последний из оставшихся в живых мятежников, остальные умерли, и что эти трое парней в каноэ, а также все население острова, – прямые потомки пропавших бунтовщиков.

Это не укладывается в голове. Фолджер, не зная, чего ожидать от «пиратского острова», говорит троице парням, что был бы рад видеть этого самого Алека на борту «Топаза».

Каноэ возвращается на остров, и вскоре появляется снова. Фолджер кричит:

– Где же Алек?

– Алек не хочет подниматься на борт!

И тут же молодые люди передают китобоям ответное приглашение Алека: высадиться на берег и навестить поселение. Фолджер догадался: старый мятежник боится. Тогда капитан объясняет парламентарам, что моряки не собираются причинять никакого вреда островитянам, ведь «Топаз» – не британский военный корабль, а всего лишь американское промысловое судно. Штаты в состоянии войны с Англией, и никто и не думает арестовывать Алека.

На разведку вместе с островитянами добровольно вызывается пойти моряк с «Топаза» по имени Джон Браун. Каноэ опять разворачивается и плывет к берегу.

И снова, спустя 15–20 минут, возвращается ни с чем. Молодые люди говорят, что на сей раз Алека удерживают женщины. Они очень волнуются за его жизнь. И все же еще раз все вместе приглашают гостей на остров. Джон Браун уверяет капитана, что все спокойно.

И Фолджер решается. Ему не терпится узнать обо всем как можно больше. Команда принимает приглашение и высаживается на берег.

То, что люди с «Топаза» увидели на Питкэрне, их потрясло. Они словно попали в царство идиллии.

Гостей очень тепло и радушно встретила целая толпа женщин и детей. Причем старшие женщины были полинезийками, а черты лиц молодежи казались явно смешанными. Моряков провели вверх по склону в маленький и симпатичный поселок с чистыми и уютными домиками. Кругом располагались ухоженные цветущие сады и повсюду бродили козы и куры. Плодородный островок буквально утопал в изобилии.

И вот навстречу Фолджеру вышел невысокий и крепкий пожилой мужчина, седой и весь в татуировках. Заметно волнуясь, он с улыбкой крепко пожал капитану руку и представился: Алек.

Это был сорокалетний Александр Смит, бывший матрос с «Баунти». Последний из оставшихся в живых мятежников...

...Команда «Топаза» провела на острове всего около десяти часов. Фолджер долго беседовал со Смитом, и именно американский капитан-китобоец стал первым человеком из внешнего мира, кто услышал поразительную и противоречивую историю первых лет поселения на Питкэрне.

Так, спустя без малого двадцать лет после легендарного мятежа на «Баунти» приют мятежников был обнаружен. Давняя, скандальная и загадочная история, оказывается, имела продолжение. И какое! С этого невероятного и случайного открытия капитана Фолджера начался новый виток Саги о «Баунти».

И появился новый «герой» – остров Питкэрн.

Пройдет совсем немного времени, и сенсационное известие о судьбе мятежного судна облетит Земной Шар. И все тогда с изумлением обратят внимание на крошечную, до той поры практическую никому не ведомую, точку на карте мира. Легендарному приюту мятежников с «Баунти» и посвящена вторая часть этого повествования.

Глава первая

ОСТРОВ

Питкэрн (Pitcairn), вулканический остров (высота до 335 м) в юго-восточной части Тихого океана, в Полинезии. 4,5 км². Население 55 человек (1995; потомки от смешанных браков английских моряков с потерпевшего крушение в 1790 у берегов Питкэрна судна «Баунти» и полинезийцев). Вместе с необитаемыми островами Оэно, Дюси и Хендерсон входит в состав британских владения – Острова Питкэрн (Pitcairn Islands; площадь 46,5 км²). Административный центр – Адамстаун (единственное поселение на Питкэрне). Тропическое земледелие, ремёсла. Выпуск почтовых марок.

Большая Российская Энциклопедия

Точка на глобусе

К юго-востоку от огромного тела Евразии как раздробленный след на воде на многие тысячи миль тянутся бесчисленные острова Тихого Океана. Из космоса эта щедрая россыпь напоминает длинный рассеянный шлейф, словно кто-то небрежно бросил в сторону горсть земли. Куски покрупнее упали рядом, образовав Филиппины и Индонезийский архипелаг (такие большие острова как Суматра, Ява, Борнео и Новая Гвинея), кусочки поменьше откатились дальше (став Микро- и Меланезией), а самые крохотные и легкие улетели совсем далеко, почти на противоположную сторону планеты. Пара песчинок (острова Пасхи и Сала-и-Гомес) так оторвались от основной массы, что теперь территориально принадлежат Южной Америке.

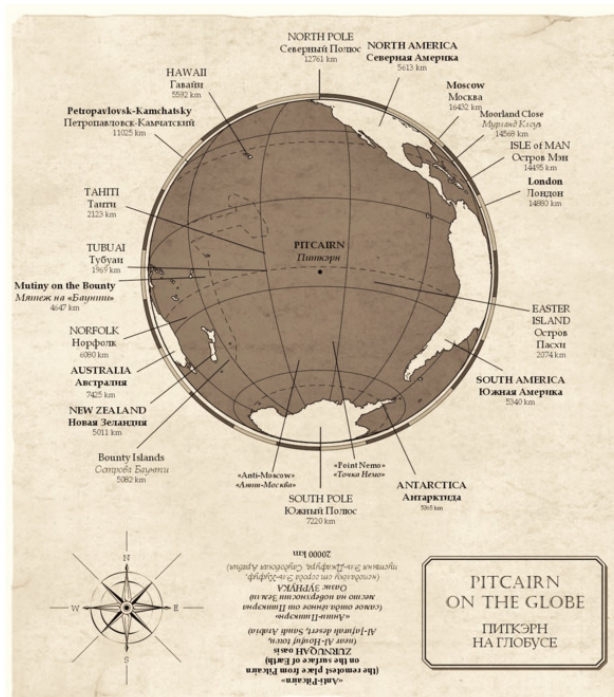
А на самом кончике «хвоста» остались четыре микроскопических точки – острова Питкэрн (Оэно, Хендерсон, Дюси и сам Питкэрн).

Питкэрн расположен в буквальном смысле слова на самом краю земли: на четыре тысячи миль к юго-востоку от острова – ни клочка суши, одна вода, бескрайняя океанская пустыня. Вообще, южная часть Тихого Океана – один из абсолютно безлюдных и далеких от цивилизации регионов нашей планеты. Не случайно именно сюда сбрасываются отработавшие свое космические станции. Здесь на многие тысячи квадратных морских миль «нет ничего интересного».

Это самая отдаленная от Европы область Земли, лежащая ровно на противоположной стороне Земного Шара. Если проткнуть глобус спицей через ядро в точке «Москва», то другой конец выйдет именно здесь, в нескольких сантиметрах от Питкэрна³. Мало того, остров является одним из ближайших клочков суши к Океанскому Полюсу Недоступности, так называемой «Точке Немо»⁴.

³ Самая отдаленная от Москвы точка на поверхности Земли имеет координаты 55 градусов 46 минут южной широты и 142 градуса 26 минут западной долготы; это в 12451 миле или 20038 километрах «птичьего полета» от столицы России.

⁴ «Точка Немо» (Point Nemo), или Океанский Полюс Недоступности – точка на поверхности мирового океана, максимально отдаленная от ближайшей суши. Имеет координаты 48°52' южной широты и 123°23' западной долготы. Расположена в Южной части Тихого Океана, на одинаковом расстоянии – 1451 морская миля или 2688 км – от о. Махера (северная оконечность Земли Мэри Бёрд, Антарктида), о. Моту Нуи (южная оконечность Острова Пасхи) и атолла Дюси (острова Питкэрн).

На картах мира в этом месте обычно располагают выходные данные типографии и так называемую «легенду»: «Отпечатано в таком-то году таким-то тиражом; масштаб такой-то» и т. п.

Кстати, на многих картах и глобусах, даже весьма детальных, острова Питкэрн не найти. Он либо скрыт за логотипом картографического издательства, либо попросту по непонятной причине (видимо, из-за своих крошечных размеров и совершенной никчемности) отсутствует. Мало того, в Москве продаются глобусы, очень подробные и качественные (сделанные в Италии на русском языке), где, например, обозначен меньший и необитаемый сосед Питкэрна – остров Оэно, но самого Питкэрна (главного острова всей одноименной колонии, между прочим) почему-то нет и в помине. В этом месте на том глобусе – огромная, размером чуть ли не с Австралию, эмблема фирмы-изготовителя.

Кого интересует эта микроскопическая песчинка – остров Питкэрн?

Кто знает о его существовании?

Между тем, на всем белом свете нет второго острова с подобной историей. С таким удивительным, трагическим и прекрасным прошлым.

И с таким интереснейшим и противоречивым настоящим. И с таким непредсказуемым будущим.

Именно этому острову и было суждено стать последним пристанищем мятежной «Баунти». Здесь, на Питкэрне, бунтовщики обретут свой дом. А Его Величества Корабль «Баунти» – гибель и бессмертие.

...Но мятежники с «Баунти» были не первыми поселенцами на Питкэрне. Высадившись и обследовав территорию, Флетчер Кристиан и его товарищи обнаружили немало свидетельств того, что раньше остров был обитаем. То тут, то там попадались заброшенные марае и полуразрушенные каменные изваяния. На острове буйно росли хлебное дерево, бананы и батат, а эти растения, как известно, могут распространяться только побегами, то есть – при помощи человека. Позже были найдены человеческие захоронения и остатки традиционных для Полинезии

земляных печей, а также многочисленные каменные инструменты различной степени готовности: тесла, скребки, долота, рыболовные крючки и т. п. До сих пор на юго-восточной оконечности острова, у подножия обрыва с характерным для Питкэрна местным названием Даун Роуп (Down Rope, можно перевести как «Обрыв-Веревка») можно увидеть древние полинезийские наскальные рисунки – петроглифы, изображающие странные человеческие фигурки, птиц и некое подобие колеса.

Древнеполинезийские питкэрнские петроглифы обрыва Даун Роуп

Первым более-менее тщательное исследование острова провел капитан Его Величества Судна «Блоссом» Фредерик Уильям Бичи в 1825 году. Вот что он пишет в своей книге «Рассказ о Путешествии в Тихий Океан и Берингов Пролив», изданной шесть лет спустя: «...На этой возвышенности (Hill of Difficulty, Холм Трудности – Авт.) мятежники по прибытию обнаружили четыре изваяния около шести футов высотой, помещенных на платформы; и, в соответствии с описанием Адамса, они мало чем отличались от марae острова Пасхи, только были значительно меньше размером. Одно из этих сохранившихся изваяний представляло собой грубое изображение человеческой фигуры до бедер и было высечено из куска красной лавы.

Нам рассказали, что рядом с этим предполагаемым марae изредка выкапывали человеческие кости и каменные топоры, но мы сумели найти только две кости, по которым мы могли судить о росте аборигенов. Это были берцовая кость и часть черепа необычного размера и толщины. Несколько экземпляров топоров, которые мы видели, были сделаны из плотной базальтовой лавы, мало чем отличающейся от фенолита, очень твердой и поддающейся прекрасной полировке породы. По своей форме они напоминали те, которые используются на Отахеите, а также на всех островах этих морей, что я видел. Кроме этого была найдена большая каменная чаша, подобная используемым на Отахеите, и два каменных фундамента. То, что этот остров мог быть обитаемым, не столь необычно, если вспомнить, что остров Пасхи, который гораздо более отдален от восточного мира, тоже обитает, хотя ничего не известно о судьбе этих людей.

Судя по этим изваяниям и по большим грудам камней на высоте, куда их стоило затащить с тяжелым трудом, можно заключить, что остров был населен в течение значительного времени. А благодаря найденным костям, всегда похороненным под этими грудками и никогда на поверхности, мы могли предположить, что выжившие покинули остров на своих каноэ в поисках убежища в другом месте...».

Итак, когда-то здесь жили люди. Но почему-то к XVIII веку Питкэрн оказался необитаем. Еще поселенцы с «Баунти» обратили внимание на то, что остров выглядел внезапно брошенным, оставленным впопыхах. Словно какая-то непонятная и загадочная сила заставила пер-

вых островитян бросить все и немедленно покинуть остров. Что побудило древних питкэрнцев оставить цветущий и плодородный клочок земли и исчезнуть в неизвестном направлении?

Предыстория

Питкэрн – один из самых «молодых» островов Тихого Океана. Его история берет свое начало в эпоху плейстоцена («ледниковый период»), когда около 700 тысяч лет назад извержение подводного вулкана привело к тому, что из глубин океана поднялась небольшая одинокая скала. Шли годы, века, тысячелетия, остров поднимался все выше над водой, покрывался почвой, обрастал растительностью. Непрístupную скалу облюбовали птицы и крабы. А спустя еще несколько столетий на этот не очень гостеприимный берег ступила нога первого человека.

Кто были эти люди, первые поселенцы на Питкэрне? Откуда и когда они пришли?

Вообще, как на бесчисленных забытых богом островах огромного Тихого Океана, отстоящих на тысячи миль от большой суши и цивилизации, задолго до открытия их первыми европейцами оказались люди? Откуда они взялись?

Может быть, эти острова, как считалось еще недавно, – лишь верхушки утонувших гор, останки гигантского древнего материка, ушедшего под воду? И, следовательно, полинезийцы – это выжившие представители таинственной расы тихоокеанской «Атлантиды» («Пацифиды»)?

А может быть, наличие жизни здесь, «посередине нигде», – это неопровержимое свидетельство, как считают некоторые, ее неземного происхождения, и полинезийцы в этом случае не кто иные, как потомки инопланетян?

Ни то, ни другое. На самом деле, первые люди появились тут не из-под воды и не с неба. Они не «поднялись из морских глубин» и не «опустились на землю с летающих тарелок». Они сюда приплыли.

Существует две основных гипотезы заселения Полинезии. Первая, которой придерживается подавляющее большинство ученых, – «азиатская». На русском языке о ней можно подробно прочитать, например, в замечательной книге новозеландского ученого Те Ранги Хироа (Питера Бака) «Мореплаватели солнечного восхода» («Vikings Of The Sunrise»). Автор, многолетний и страстный исследователь Южных Морей, на основе скрупулезного анализа древних полинезийских преданий доказывает, что первые поселенцы появились на островах Океании в первой половине второго тысячелетия нашей эры, примерно в XIV веке⁵.

Эти отважные первобытные мореплаватели, предки нынешних полинезийцев, плывя «навстречу восходящему солнцу», пришли с запада – с азиатского континента. Судьба гнала их вперед, с материка на острова Индонезии, затем все дальше и дальше на восток, через Микронезию или Меланезию – в Полинезию. Постепенно, в течение нескольких веков, заселяя остров за островом, осваивая архипелаг за архипелагом, «викинги рассвета» продвигались за горизонт, пока, в конце концов, не добрались и до маленькой скалы, которую сегодня весь мир знает, как остров Питкэрн⁶.

⁵ Более современные исследования (в частности, радиоуглеродный анализ) доказывают, что первые люди появились в Полинезии значительно раньше – в втором тысячелетии до нашей эры.

⁶ Надо сказать, что, согласно этой теории, древние полинезийцы не остановились и на этом, и пошли еще дальше. И в результате добрались до острова Пасхи. В И это еще не все: существует ряд доказательств того, что самые отчаянные полинезийцы достигали даже южноамериканского континента.

Таким образом, согласно этой теории, первые люди приплыли на Питкэрн с запада? Если это так, то, скорее всего, лодки первых поселенцев прибыли сюда с ближайшего обитаемого к Питкэрну острова – с Мангаревы.

Одно из старинных мангареванских названий Питкэрна – Хераги (или, в другой транскрипции, Эираги). В своей книге Те Ранги Хироа упоминает об одном древнем и красивом предании об острове Хераги – о девушке и черепахе.

«...Мать приказала Хине-поутуни просушить на солнце одежду из лубяной материи и проследить, чтобы ее не вымочил дождь. Хина отнеслась невнимательно к поручению, и одежда была испорчена ливнем. За это Хину изгнали из дому, и она пошла к берегу искать переправы на какой-нибудь другой остров. Но лодки нельзя было достать, и Хина стала спрашивать у различных рыб лагуны, в состоянии ли они пересечь море. Все они ответили отрицательно. Когда же Хина спросила глубоководную черепаху, она ответила: „Да! Садись ко мне на спину, и я отвезу тебя, куда хочешь“. Хина взгромоздилась на черепаху, которая доставила ее на Хераги...» (Те Ранги Хироа (П. Бак) «Мореплаватели солнечного восхода», М., 1959).

Но, согласно этому преданию, Хераги к тому времени уже был обитаем. На острове Хину встретил таинственный местный вождь по имени Тинирау. Хина так понравилась ему, что он взял ее в жены. Что за народ жил тогда на Хераги? И откуда он взялся? Легенда об этом умалчивает.

Но есть и другая, гораздо менее лирическая мангареванская легенда – предание о мифическом острове Мата-ки-те-ранги. По сути, эта история – трагическая сага, своего рода проклятье Мата-ки-те-ранги.

Далеко-далеко, там, где встает Солнце, лежит загадочный остров под названием Мата-ки-те-ранги – «Око, смотрящее в небо». До него очень трудно добраться, но еще труднее на него высадиться. Его образ всегда был окутан некой тайной. Однажды мангареванцы изгнали со своей земли вождя по имени Таратахи, и он со своими людьми уплыл на каноэ навстречу рассвету. (По другой, более поздней версии мифа, Таратахи попросту вынужден был бежать с Мангаревы). Предание гласит, что Таратахи достиг и первым заселил Мата-ки-те-ранги. Якобы, это именно он посадил на легендарном острове хлебное дерево с Мангаревы.

Спустя много лет его внуку Те Агиаги, жившему на Мангареве и ставшему местным жрецом, приснилось, что Таратахи убит, а хлебные деревья уничтожены. Отправившись на Мата-ки-те-ранги вместе со своим отцом, сыном Таратахи по имени Ануа-мотуа, и другими родственниками, Те Агиаги обнаружил на острове труп своего деда. Хлебное дерево удалось спасти, Те Агиаги отправился дальше, а на Мата-ки-те-ранги остались жить его братья – Пунига и Маро-кура.

Через некоторое время с Мангаревы по направлению к Мата-ки-те-ранги отправился воинственный мореплаватель Рагахенуа. По легенде этот мифический завоеватель добрался

до острова и устроил там жуткую резню. Почти все небольшое население Мата-ки-те-ранги было безжалостно уничтожено. Спаслись удалось лишь четверым. Счастливики вернулись на Мангареву и рассказали об ужасных событиях. С тех пор Мата-ки-те-ранги стал пользоваться у мангареванцев дурной славой.

Возможно, на него даже было наложено табу.

Так вот, большинство ученых считает, что остров, которые древние мангареванцы называли Мата-ки-те-ранги, не что иное, как знаменитый остров Пасхи. Однако многие исследователи, в том числе и Хироа, сходятся во мнении, что описание легендарного Мата-ки-те-ранги гораздо больше подходит острову Питкэрн.

На острове Пасхи никогда не росло хлебное дерево, питкэрнские скалы значительно неприступнее берегов Рапа Нуи, и, пожалуй, главный аргумент – расстояния. От Мангаревы до Питкэрна – 291 морская миля (540 км; примерно, как от Москвы до Нижнего Новгорода), тогда как от Мангаревы до острова Пасхи – почти в 5 раз больше, 1407 морских миль (2605 км; приблизительно, как от Москвы до Тюмени). Как пишет Хироа, «...упоминание о том, что бежавшие с поля битвы воины приплыли на Мангареву, не имея возможности захватить продовольствие для долгого путешествия, заставляет предполагать, что Мата-ки-те-ранги был гораздо ближе к Мангареве, чем остров Пасхи. Единственный вулканический остров, который напоминает описание легенды, это остров Питкэрн...».

Если мифический Мата-ки-те-ранги – это нынешний Питкэрн, то имеют ли какое-нибудь отношение находки мятежников с «Баунти» (полуразрушенные и запущенные марае и многочисленные каменные инструменты) к кровавой бойне на острове, оставшейся в исторической памяти мангареванцев и запечатленной в древнем предании? Если то, что рассказано в легенде – правда, то что произошло дальше? Остался ли кто-нибудь жить на Мата-ки-те-ранги? Что случилось на острове за четыреста лет между визитами каное Рагахенуа и «Баунти»? Вопросы, ответы на которые, скорее всего, можно получить только после тщательных и систематических археологических раскопок на Питкэрне.

Вторая, противоположная, гипотеза заселения Полинезии – «американская». Согласно этой теории, первые люди приплыли на райские острова не с запада, а с востока – из Южной Америки. Эту революционную и скандальную версию долгое время отстаивал знаменитый норвежский путешественник и ученый Тур Хейердал. Он считал, что почти за тысячу лет до предполагаемых переселенцев из Азии, примерно в пятом веке нашей эры, первыми до островов восточной Полинезии добрались рослые, «белокурые и бородатые» люди, приплывшие на плотках по течению с южноамериканского континента.

Этот таинственный народ, процветавший на территории нынешнего Перу в доинкскую эпоху, привез с собой уникальную культуру, останки которой можно наблюдать и сегодня. Самые известные памятники этой загадочной неолитической культуры – каменные статуи острова Пасхи, так называемые моаи. Антропоморфные изваяния, чем-то похожие на знаменитых пасхианских истуканов, обнаружены не только на близлежащих островах (в том числе и на Питкэрне), но и в Мексике, Гватемале, Панаме, Колумбии, Эквадоре, Боливии и в самом сердце доинкской цивилизации – в Тиауанако, Перу. Хейердал делает вывод, что все эти статуи одного происхождения, и что их создал загадочный народ, на заре истории покинувший материк и ушедший в океан.

Именно ради своей спорной версии Тур Хейердал с пятеркой единомышленников в 1947 году совершил легендарное стодневное путешествие на инкском бальсовом плоту «Кон-Тики» из Южной Америки до Полинезии – от берегов Перу до архипелага Туамоту. После Второй Мировой войны, когда «бредовую» теорию молодого зоолога Хейердала никто не принимал всерьез, дерзкий исследователь доказал, что такие невероятные плавания – в пять тысяч морских миль – были возможны. Значит ли это, что первыми Восточную Полинезию заселили древние мореплаватели Южной Америки?

Если это так, то первой остановкой в пути смелых прото-индейцев на запад был, бесспорно, Рапа Нуи (о. Пасхи), а второй – наверняка остров Питкэрн.

Хейердал побывал на Питкэрне. В 1955—1956 годах он организовал крупномасштабную археологическую экспедицию на остров Пасхи, и на обратном пути, по дороге на Рапа Ити, посетил уединенный приют потомков мятежников с «Баунти».

Гостей встретили «...исключительно радушно, мы провели несколько дней будто в обетованной земле» – пишет Хейердал в книге «Аку-аку». Прибывшие с ним археологи осмотрели остров, но серьезных раскопок не провести не успевали (экспедиционное судно Хейердала простояло у берегов Питкэрна всего пять суток, с 12 по 17 апреля 1956 года). «Местные жители частенько находят в земле каменные рубила.

А у подножия высокого обрыва на северном берегу можно увидеть наскальные изображения. Вообще же Питкэрн беден археологическим материалом. Очищая свой остров от чужих богов, потомки мятежников, добрые христиане, разломали стены культовых сооружений, разбили и выбросили в море истуканов...» (Т. Хейердал «Аку-аку», М., 1970).

Наличие на Питкэрне каменных статуй, как пишет Хейердал, «смахивающих на великанов острова Пасхи», является, возможно, основным доказательством того, что волна исчезнувшей культуры таинственных предшественников инков докатывалась и до Питкэрна, и первые люди прибыли сюда именно с острова Пасхи.

Кто прав? Хироа или Хейердал? Сторонники «американской» теории или приверженцы «азиатской» гипотезы? Современная наука убеждена, что заселение Океании происходило все-таки с запада на восток, причем несколькими, если можно так выразиться, «приливами» и «отливами». Впрочем, некоторые ученые не исключают, что несколько крайних островов Восточной Полинезии (такие, как Пасхи, Хендерсон и Питкэрн) вполне могли посещать гости и с противоположной стороны – с востока, с Южно-Американского континента.

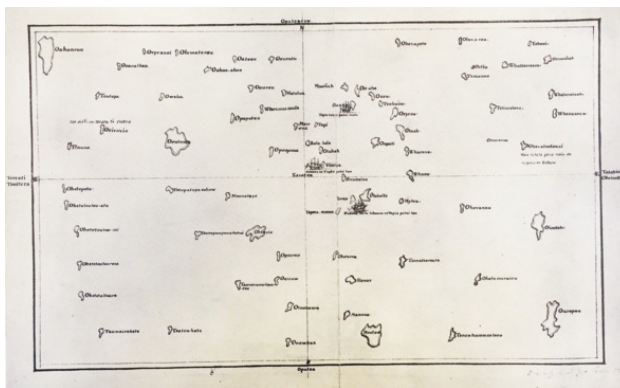
Но откуда бы ни пришли первые поселенцы – с острова Пасхи или с Мангаревы, с запада или с востока, из Азии или из Южной Америки, и кем бы они ни были – древними прото-малайцами, «мореплавателями солнечного восхода» или загадочными пра-индейцами, «белокурыми и бородатыми», они все же в какой-то момент покинули остров. И Питкэрн оставался необитаемым до 15 января 1790 года, когда, высадившись на берег, здесь приняли решение остаться мятежники с «Баунти»...

... Чем был этот далекий и неприступный клочок плодородной земли для древних полинезийцев? Проклятым островом-табу или священным островом-культом? Местом кровавых обрядов, ритуалов жертвоприношений и каннибальских пиров или местом, где первобытные мирные труженики изготавливали свои инструменты? Почему, в конце концов, люди внезапно оставили остров? На эти вопросы пока нет ответа.

Загадка древнего Питкэрна продолжает оставаться одной из самых неразрешимых. Остров безмолвно хранит свои тайны.

Открытие

Во время своего первого пребывания на Таити в 1769 году Джеймс Кук познакомился с одним из местных жрецов по имени Тупаиа. В истории тихоокеанских открытий это имя «... должно быть записано золотыми буквами...», – считал Я. М. Свет. Мало того, этот видный советский ученый, ведущий специалист по истории Австралии и Океании, даже назвал Тупаиа «главным «открытием» Кука». Дело в том, что со слов этого незаурядного молодого человека, выходца с острова Раиатеа, англичане нарисовали уникальную карту Полинезии.

Карта Тупаиа. Копия.

Сегодня копия этого поразительного документа хранится в Британском Музее. На этом поистине бесценном листке бумаги – 74 острова, расположенных вокруг Таити. У каждого острова – свои очертания и свое имя. Во многом благодаря именно этой карте, а также подсказкам самого Тупаиа, которого Кук взял с собой в дальнейшее плавание, и были вскоре совершены беспрецедентные открытия в Центральной Океании.

На этой древней схеме есть острова, как близлежащие к Таити, так и весьма далекие. Например, земля, именуемая Тупаиа как Поуруматехеа (расшифровано как старинное таитянское название Новой Зеландии), или Охеави (Гавайи), или Охитипото (Мангарева). Обозначен на карте и крошечный островок Охититарева (Ohititareva). Некоторые исследователи считают, что это на самом деле Хити-ау-реварева (Hiti-au-revareva), что в переводе означает «граница проходящих туч». Так у древних таитян назвался остров Питкэрн.

Без сомнения, таитяне в XVIII веке, незадолго до появления европейцев, знали о существовании этого неприступного островка, лежащего далеко, «у границы проходящих туч». Знали и, возможно, ходили туда на своих надежных каное.

...

Первыми европейцами, оказавшимися в непосредственной близости к тогда еще не открытому острову Питкэрн, стали испанцы, моряки экспедиции Педро Фернандеса де Кираса. В начале 1606 года корабли Кираса «Альмиранта», «Капитана» и «Три волхва» прошли мимо нескольких безлюдных островов на широте Тропика Козерога. Считается, что первым среди этих островов 26 января 1606 года Киросу встретился Хендерсон (лежащий всего в 104 морских милях к северо-востоку от Питкэрна; это один из его ближайших соседей). И совсем не исключено, что через день-два слева по борту испанские моряки могли увидеть на горизонте едва заметную одинокую скалу...

Остров Питкэрн был открыт сто шестьдесят с лишним лет спустя, 2 июля 1767 года. Первым остров на карту (как выяснилось потом, неточно) нанес капитан Филипп Картерет.

Этот опытный и ответственный морской офицер участвовал в кругосветном путешествии commodора Джона Байрона на корвете «Долфин» (1764 – 1766). Не успел «Долфин» вернуться в Англию, как его тут же снарядили для новой экспедиции – под командованием Сэмюэла Уоллиса. А Картерет узнал, что его назначили капитаном сопровождающего судна – шлюпа «Суоллоу» («Ласточка»).

Эта «Ласточка» скорее напоминала корову: старое, тяжелое и медлительное судно никак не годилось для кругосветного плавания. «...Картерет тщетно требовал походную кузницу, железо и различное снаряжение; он по опыту знал, что все это будет необходимо. Адмиралтейство ответило, что корабль достаточно хорошо оснащен и вполне приспособлен для выполнения предстоящей задачи...» (Жюль Верн «Великие географические открытия»). Точка.

Забегая вперед, можно сказать, что «Суоллоу» вернулась в Англию лишь каким-то чудом.

...11 апреля 1767 года в Магеллановом проливе «Долфин» потерял «Суоллоу» в густом тумане, и ветхому суденышку, выполняя указания Адмиралтейства, пришлось пробиваться на запад в одиночку. Плавание через Тихий Океан было ужасным. Непрекращающиеся шторма и голод изматывали несчастный экипаж. Кончалась пресная вода. Начиналась цинга. Нужно было как можно быстрее пристать к какому-нибудь берегу: передохнуть и пополнить запасы провизии. Но шли недели, а вокруг был лишь один океан.

Капитан Картерет, чтобы как-то приободрить экипаж, пообещал бутылку брэнди тому, кто первым заметит на горизонте землю.

И вот вечером 2 июля 1767 года справа по борту показалась какая-то неотмеченная ни на каких картах суша. Первым эту маленькую скалу а горизонте увидел пятнадцатилетний гардемарин по имени Роберт Питкэрн.

...Отпрыск старинного шотландского клана, Роберт Питкэрн родился 6 мая 1752 года в местечке Бёрнтайлэнд (Burntisland)⁷, в графстве Файф, неподалеку от Эдинбурга. Выходец из хорошей семьи⁸, юный Роберт, отправляясь в кругосветное плавание, наверняка мечтал открыть неизвестную новую землю. Или хотя бы остров. Но он, конечно, и представить себе не мог, что одинокая скала, замеченная им в тот ненастный день, навсегда войдет в легенду Южных Морей. А его фамилия – Питкэрн – не просто будет увековечена на карте мира, но станет именем самого удивительного острова в истории.

(Сам первооткрыватель, увы, об этом не узнает: всего через два с половиной года после своего открытия, в 1770 году 17-летний гардемарин Роберт Питкэрн пропал без вести в море – вместе с экипажем и судном Его Величества Корабля «Аврора» по дороге от мыса Доброй Надежды в Индию.)

...Быстро стемнело, и Картерет не решился подойти к острову поближе. То, что измученный экипаж «Суоллоу» увидел с палубы на следующее утро, 3 июля, весьма обнадеживало: живописный островок утопал в зелени, с высокого холма стекал ручей, а в небе кружились птицы. И – никаких видимых признаков человеческого присутствия: ни туземцев на каноэ, ни хижин на берегу, ни дымка над лесом. Прекрасное место, чтобы высадиться, отдохнуть и пополнить запасы пищи и пресной воды.

Но, как ни старалась команда, «Суоллоу» так и не смогла пристать к острову. Яростные пенные буруны прибоя грозили разбить и без того дряхлое судно в щепки о коварные прибрежные скалы. Стояла тропическая зима, и вокруг острова бушевали крайне опасные порывистые шквалы. Картерет сумел лишь промерить глубину у западной оконечности Питкэрна, набросать его карту и, конечно же, определил его координаты.

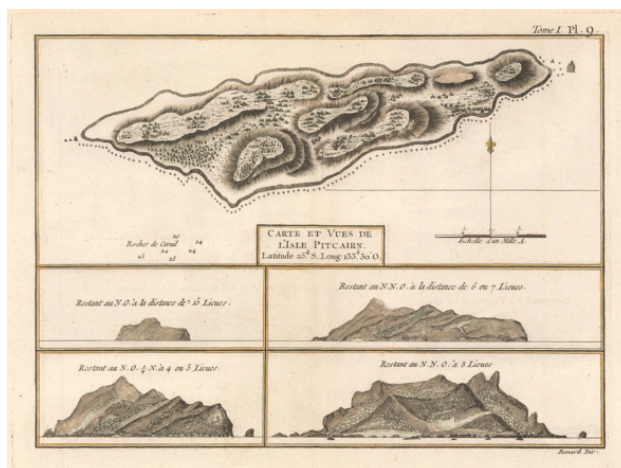
Капитан был болен, а его инструменты неисправны. Как выяснится много позже, долгота острова оказалась установлена неточно. Картерет нанес его на карту в 188,4 морских миль к западу от его реального местоположения.

И этой ошибке еще предстоит сыграть свою важную роль в истории «Баунти».

⁷ В переводе с английского «burnt island» – «сожженный остров». Удивительно, что первооткрыватель острова, у берегов которого сожгут «Баунти», родился в городке с таким странным, почти пророческим названием. Сегодня Бёрнтайлэнд – типичная шотландская провинция: тишина, зелень, дома из серого камня, шпилы и флюгера. Расположенный на берегу Залива Форт, городок славится в округе своим ухоженным пляжем – одним из лучших пляжей Шотландии. Даже в плохую погоду (а мне довелось побывать там в проливной дождь) пляж не пустует: местные водные лыжники, не боясь волн холодного Северного моря, отважно выписывают зигзаги на поверхности вслед за юркими катерами. Некоторые не удерживаются на крутых виражах и падают в воду...

⁸ Как мы помним (см. Первую главу первой части книги), отец гардемарина Роберта Питкэрна, майор Джон Питкэрн (1722 – 1775), известен тем, что в во время Американской Войны за Независимость командовал британскими войсками в штате Массачусетс. По легенде, это именно он отдал приказ произвести самый первый выстрел, ставший началом этой войны. В битве при Банкер-Хилл Дж. Питкэрн был тяжело ранен и умер.

Испытав жесточайшее разочарование, и так и не пополнив запасы, экипаж «Суоллоу», в конце концов, оставил такой привлекательный и такой негостеприимный остров. И продолжил свое нелегкое путешествие вокруг света.

Первая европейская карта о. Питкэрн (Ф. Картерет, 1767)

По возвращении «Суоллоу» в Англию малозначительная запись Картерета о крошечной скале была, как полагается, занесена в анналы Адмиралтейства, а на всех морских картах сначала Британии, а потом и всего мира появилась едва заметная точка – остров Питкэрна (Pitcairn's Island).

Появилась там, где ее на самом деле быть не могло.

Питкэрн и Кук

Остров Питкэрн и капитан Кук... Что общего между легендарным прибежищем мятежников с «Баунти» и легендарным мореплавателем? На первый взгляд, ничего. Кук не был знаком ни с юным гардемаринном Робертом Питкэрном, первым увидевшим неизвестный клочок суши 2 июля 1767 года с борта ведомого капитаном Ф. Картеретом шлюпа «Суоллоу», ни с храбрым отцом Роберта, Джоном Питкэрном. И мятеж на «Баунти» произошел через целых 10 с лишним лет после гибели Кука на Гавайях. Но Питкэрн, этот маленький островок «на задворках» Полинезии, оказался связанным со знаменитым капитаном Куком весьма любопытным образом.

Невероятно, но в разное время Кук ДВАЖДЫ прошел мимо Питкэрна, не заметив его!..

Во время своего первого плавания капитан Джеймс Кук еще не знал об открытиях Картерета («Индевор» вышел из Плимута 26 августа 1768 года, за девять месяцев до возвращения туда «Суоллоу» 20 мая 1769 года). Но, сам того не ведая, Кук на пути от мыса Горн к Таити прошел совсем рядом с Питкэрном и чуть было не открыл остров вторично.

Начиная с 20 марта 1769 года моряки «Индевора» стали замечать признаки того, что где-то неподалеку – земля. Из дневника Кука:

20 марта, понедельник: «...Хороший бриз и приятная погода – видели несколько тропических птиц...» (координаты «Индевора» в тот день: 25°44'S и 129°28'W);

21 марта, вторник: «...На поверхности заметили морские водоросли, растущие на подводных скалах; появилось много тропических птиц...» (координаты 25°21'S – 129°28'W);

22 марта, среда: «...Около корабля летало несколько морских ласточек (чаграв) ...» (25°21'S – 129°52'W).

23 марта, четверг: «...Днем появились фрегаты и морские ласточки, утром снова видели последних, а также тропических птиц, которые, как и фрегаты, хороши известны. <...> Считают, что ни они, ни фрегаты не улетают далеко от земли...» (24°43' S – 130°08' W).

Вестники близкой суши, эти очаровательные создания – фаэтоны и фрегаты, буревестники и крачки – паря над парусами «Индевора», словно звали капитана Кука посетить их землю. Но Кук, идя против встречного северо-западного ветра, торопился на Таити.

24-е число отмечено тем, что с борта «Индевора» заметили еще один весьма красноречивый признак того, что где-то рядом – суша. Кук пишет: «...В 3 часа утра один из матросов заметил (а может быть, ему показалось) вблизи корабля бревно. Это навело нас на мысль, что недалеко земля, но на рассвете не обнаружили никаких признаков ее. Неразумно тратить время на поиски того, в чем сам не уверен, хотя я полагал, что „Индевр“ находится близости островов, открытых Кирсом в 1606 году. Возможно, так оно и было, если вспомнить о птицах, появлявшихся за последние два-три дня...».

Но никакой земли никто не увидел. В тот день судно пересекло Тропик Козерога.

Неведомый тропический остров, незамеченный в тумане, остался позади слева по борту. Невероятно, но, если координаты Кука не врут, то 22 и 23 марта 1769 года, в Дни Равноденствия, «Индевор» прошел от Питкэрна всего в каких-то 20 морских милях (39 километрах) к северо-востоку!

И, как знать, если бы впередсмотрящий все же увидел неизвестный островок, то Кук наверняка бы предпринял попытку подойти поближе. И даже, возможно, ему повезло бы больше, чем Картерету, и он высадился бы на берег. Посчитав себя первооткрывателем, великий мореплаватель дал бы Питкэрну новое имя и, уточнив координаты, нанес бы его на карту. И только одному богу известно, как это «открытие» через 20 с лишним лет повлияло бы на судьбу мятежников с «Баунти» и на историю острова в целом...

Четыре дня спустя, 26 марта на «Индеворе» произошел странный и труднообъяснимый случай. Кук пишет: «...В 7 часов солдат морской пехоты Гринслейд случайно или преднамеренно упал за борт и утонул. Как стало известно позднее, это не было несчастным случаем. Дежуря у двери помещения сержантов между 12 и 4 часами, он украл часть шкуры тюленя, которую сторожил. Шкуру нашли. Солдаты морской пехоты были возмущены этим преступлением, которое бросало тень и на остальных. Гринслейд был новичком, поэтому, видимо, и решился поступить так опрометчиво. Около 7 часов сержант, желая, чтобы дело это стало известно мне, решил привести его для допроса. В это время Гринслейд пробежал через полубак, заметили, что он поднялся на бак, и больше уже никто его не видел...»

Что это было? Зачем молодому морскому пехотинцу Уильяму Гринслейду нужна была тюленья шкура? В какую форму вылилось «возмущение» солдат? Почему надо было вести пойманного вора на допрос к капитану? Неужели Гринслейд так боялся Кука, что прыгнул за борт? Неужели не прозвучала команда «человек за бортом!»? Почему его не стали искать?

Сплошные загадки. Темная история. Есть ощущение, что Кук не все записал в своем дневнике...

Молодой солдат, обвиненный в пустяковой краже, отчаянно совершает попытку самоубийства – прыгает за борт и бесследно исчезает в штормовом море... Насколько известно, происшествие беспрецедентное. Во всяком случае, если все было так, как описал Кук. Или как ему доложили. Ведь не исключено, что у себя в кубрике солдатня могла по-своему расправиться с воришкой. А Куку преподнесли официальную версию происшедшего. И капитан по каким-то причинам не стал разбираться в исчезновении своего подчиненного.

А вдруг это не было суицидом? Может быть, безумец Гринслейд рассчитывал на спасение? Ведь где-то рядом, в тумане, возможно, была земля? Сегодня ясно, что в тот день «Индевор» находился примерно в ста милях от острова Хендерсон и примерно в двухстах – от Пит-

кэрна. Был ли у Гринслейда шанс добраться вплавь до одного из этих островов? Допустим, зацепившись за то же бревно, которое заметили с корабля два дня назад?

И, если предположить невероятное и представить, что Гринслейду каким-то немислим чудом удалось живым достичь берега...

Так или иначе, англичанин Уильям Гринслейд стал первым европейцем, который погиб на территории островов Питкэрн – неважно, в воде или на суше...

...Ровно через 20 лет и 1 месяц, в апреле 1789 года, сравнительно недалеко от этого места еще один молодой английский моряк, обвиненный в краже, будет готов в отчаянии прыгнуть за борт. Имя этого моряка – Флетчер Кристиан...

...

Четыре года спустя, в 1773 году, капитан Кук снова оказался в тех краях.

К тому времени он уже, конечно, знал об открытии Картерета. Во время своей Второй Экспедиции в Южные Моря, на пути от Новой Зеландии к Таити, знаменитый мореплаватель решил все же посетить забытый богом островок. Каково же было его удивление, когда 1 августа, сверив свои координаты с указанными на карте, никакой земли он не обнаружил.

Можно не сомневаться: дотошный Кук обязательно попытался бы найти потерянный остров и исправить ошибку Картерета, но его матросы страдали от цинги и кровавого поноса, а впереди «Резолюшн» и «Адвенчер» ждал совсем другой остров – прекрасный Отахеите. И великий мореплаватель опять решил не тратить время и силы на поиски неизвестно чего.

Вот что записал немецкий ученый Георг Форстер, один из участников той экспедиции: «...1-го августа мы находились под 25°1» южной широты, то есть в местах, где, по сведениям капитана Картерета, должен быть остров Питкэрн; поэтому мы внимательно обозревали море, но ничего примечательного не видели. Правда, капитан Кук предположил, что, судя по дневнику Картерета, остров мог остаться в 15 английских морских милях к востоку, но, поскольку со здоровьем команды на втором корабле обстояло столь неблагоприятно, было решено не тратить времени на поиски этого острова...» (Г. Форстер «Путешествие вокруг света», М., 1986).

Так Кук проплыл мимо Питкэрна во второй раз. Фортуна во второй раз спрятала крошечную скалу от пытливых глаз великого мореплавателя.

На этом интерес к островку окончательно угас на долгие годы. Насколько известно, после Кука никто не пытался найти Питкэрн. Этот далекий и необитаемый клочок суши, лежащий «у черта на куличках», в пустынной и малоизученной области Тихого Океана, никому не был нужен.

О Питкэрне все благополучно забыли.

Последний маршрут «Баунти»

*...Когда все тот же непрестанный ветер
Под тропиками целые недели
С одним и тем же вечным постоянством
Им раздувал надежный крепкий парус
И долгий путь в безбрежном океане
Еще длинней казался, – часто он
В бездельи томительном и скучном
Глядел подолгу за борт корабля;*

*Бежали мимо волны голубые,
И с брызгами и пеной гребней белых
Знакомые картины проплывали,
В душе рождалось страстное желанье,*

*И в глубине морской он ясно видел
Гор очертанья, видел он стада
Овец пасущихся, холмы, деревья
И пастухов в одежде домотканой,
Которую носил и он...*

Уильям Уордсворт «Братья»
(перевод М. Фроловского)

Как, почему мятежный экипаж «Баунти» все-таки оказался именно здесь?

По прямой от Таити до Питкэрна – 1312 морских миль (2430 км). Это три-четыре недели плавания даже на таком медленном судне, какой была «Баунти». Однако корабль мятежников добрался сюда только через 4 месяца после того, как покинул Отахеите 23 сентября 1789 года. Где блуждал отверженный парусник сто четырнадцать дней? Долгие годы последний маршрут «Баунти» оставался загадкой.

Но в 1956 году профессор Генри Мод из Национального Университета Канберры (Австралия), тщательно изучив малоизвестные факты, вычислил извилистый путь «Баунти» к Питкэрну.

Мод детально проанализировал два основных источника информации:

рассказы Теехутеатуаоноа по прозвищу Дженни (так звали одну из полинезийек, отправившихся с мятежниками в последнее плавание; в 1817 году она перебралась с Питкэрна на Таити, и ее история вскоре была опубликована в трех разных изданиях);

и воспоминания Джона Адамса (Александра Смита, последнего мятежника, оставшегося в живых на Питкэрне), записанные первыми капитанами, посетившими остров.

Кроме этого, пытливый профессор, многолетний исследователь Южных Морей, собрал на некоторых островах различные легенды и предания, которые могли напрямую относиться к «Баунти».

В результате Мод сделал несколько важнейших открытий. Он первым прочертил на карте пунктир движения мятежного корабля к своему последнему пристанищу.

Сначала Кристиан направил судно на северо-восток, к островам Маркизского архипелага. Но на полпути по не установленной причине «Баунти» разворачивается и идет в противоположном направлении.

Спустя пару недель примерно в двухстах милях к югу от острова Аитутаки (который, как мы помним, был открыт Блаем всего полгода назад, незадолго до мятежа) морские бродяги замечают на горизонте землю. Перед ними встает гористый плодородный остров, не обозначенный на картах.

«Баунти» держит путь туда и бросает якорь неподалеку от берега. Вскоре к кораблю приближаются два каноэ: дружелюбные местные жители преподносят невиданным пришельцам дары в виде свиней и кокосовых орехов. Самый смелый туземец поднимается на борт, и Кристиан дарит ему свой мундир. Туземец также забирает ящик с апельсинами и передает его в каноэ.

А потом случилось непоправимое. Кто-то из экипажа вдруг стреляет в этого туземца из мушкета, и несчастный замертво падает в воду. Каноэ тут же в панике отчаливает от борта «Баунти». И мятежники, опасаясь неизбежной мести, вынуждены были убраться подальше.

Что там произошло? Зачем нужно было стрелять в безоружного островитянина? Кто именно совершил этот дикий поступок? Сейчас установить это невозможно.

Но что это был за остров?

В 1814 году, спустя четверть века после мятежа на «Баунти», капитан Филип Гудинаф (шхуна «Камберленд») открыл в этих краях остров под названием Раротонга. Там помимо прочего были обнаружены апельсиновые деревья.

А в 1823 году британский миссионер Джон Уильямс записал на Раротонге местную легенду, согласно которой два поколения назад (то есть примерно лет за тридцать-сорок до этого) остров посещал удивительный «плавающий сад с двумя водопадами». Сразу вспоминается, как гавайцы, в первый раз в жизни увидев корабли Кука с высокими мачтами, приняли их за «плавающие острова с деревьями». А если представить себе, что в этот момент на судне работали помпы, откачивающие воду, то вот и объяснение «водопадов».

Это значит, что приблизительно в конце 80-х годов XVIII века у берегов Раротонги останавливался какой-то европейский корабль. Может быть, это и была «Баунти»?

Если все это так, то честь открытия Раротонги, главного острова архипелага Кука, принадлежит Флетчеру Кристиану и его команде.

Затем мятежники двинулись дальше на запад, продолжая «сканировать» морские просторы в поисках обетованной земли. Следующей остановкой на их пути стал остров Тонгатабу (ныне – главный остров Королевства Тонга).

Это всего в ста милях от того места, где полгода назад произошел мятеж на «Баунти».

По всей видимости, судно простояло там пару дней. Экипаж пополнил свои запасы продовольствия и пресной воды. Не исключено также, что на борт загрузили несколько свиней и саженцы некоторых плодородных растений. В том числе и ненавистного хлебного дерева.

Чем дальше бездомный корабль блуждал по задворкам Полинезии, тем, должно быть, тягостней становилась атмосфера на борту. Все чаще и чаще раздавались призывы вернуться на Таити. Но Кристиан был непреклонен. Приблизительно в конце ноября 1789 года «Баунти» совершает последний бросок на запад.

Достоверно известно, что мятежники посетили крошечный островок Оно-и-Лау, что в архипелаге Фиджи. В 1820 году здесь высаживались русские моряки из экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева (шлюпы «Восток» и «Мирный»).

Судя по всему, этот прекрасный, но обитаемый остров стал в начале декабря 1789 года последней остановкой «Баунти». Дальше маршрут мятежников радикально изменился. Они вдруг направились в противоположную сторону.

Выбор Флетчера Кристиана

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*
М. Ю. Лермонтов «Парус»

Что побудило Флетчера Кристиана резко повернуть корабль на восток и проплыть более трех тысяч морских миль – от Оно-и-Лау к Питкэрну?

Версия первая, маловероятная. Все произошло случайно. Отчаявшись найти последний приют на плодородных, но густонаселенных людоедами и негостеприимными туземцами островах Южной Полинезии, команда махнула на все рукой и решила плыть по воле волн. «Баунти» подхватило течение западных ветров, стабильно дующих в сороковых широтах Южного полушария, и, в конце концов, вынесло корабль к затерянной скале вдали от основных архипелагов Тихого Океана.

Могло такое случиться? Теоретически да. Но поверить в это невозможно.

Как бы не был пестрый экипаж «Баунти» измотан бесконечными скитаниями по океану, и какой бы праздной и беспечной не была атмосфера на борту, трудно представить, чтобы мятежники (и в первую очередь – Кристиан) могли столь безвольно отдаться в руки судьбы и безропотно подчиниться капризам Фортуны. Какой бы поразительно счастливой не была Роза ветров к изгибам, «сжегшим свой Рубикон», все же шанс пристать к Питкэрну у них был ничтожный.

Так их могло отнести куда угодно. Например, к берегам Антарктиды. Версия вторая, «полинезийская». Датский писатель и журналист Арне Фальк-Рёнке, автор замечательной книги «Слева по борту – рай» (одной из немногих книг о мятеже на «Баунти», изданных в Советском Союзе), считает, что путь к Питкэрну Кристиану подсказали полинезийцы. Вдохновленный гипотезами Те Ранги Хироа, Фальк-Рёнке убежден в том, что таитяне и тубуайцы, оказавшиеся на «Баунти», прекрасно знали о Мата-ки-те-Ранги (или Хити-ау-реварева), далеко и мифическом острове на востоке. Якобы именно они, молодые полинезийские женщины и мужчины, рассказали Кристиану об этой необитаемой и плодородной скале-табу и посоветовали ему плыть именно туда.

Возможно? Да. Вероятно? Вряд ли.

При всем уважении к географическим и навигационным познаниям полинезийцев, все же трудно представить себе, что на «Баунти» оказался некто, подобный раиатеанину Тупаиа, спутнику Кука (тому самому Тупаиа, который еще в 1769 году подробно описал англичанам расположение ближайших к Таити островов). Или кто-то из британских моряков знал о схеме Тупаиа? Или (что совсем уже относится к области фантастики) все полинезийцы, от мала до велика, прекрасно знали местную карту Тихого Океана? Наверное, все же нет, ни то, ни другое.

Из всего экипажа «Баунти» карту Тупаиа теоретически мог видеть лишь один человек – лоялист канонир Уильям Пековер: за 20 лет до мятежа, в 1769 году он был простым матросом у Кука на «Индеворе» и, возможно, знал о ней. Но в конце 1789-го Пековера с мятежниками, разумеется, не было – он вместе с другими лоялистами в это время добирался из Батавии домой в Англию.

А одними древними преданиями, наугад проложить точный маршрут нельзя. Надо знать, куда держать путь. Нужен хотя бы опыт таких плаваний, которого у спутников Кристиана быть не могло: они были слишком молоды. Тем более, что информация о дальних островах всегда была на Таити уделом людей посвященных – жрецов и вождей.

На мятежном «Баунти», впрочем, были, по преданию, люди из привилегированных каст: например, сын раиатеанского жреца – Тараро, или дочь таитянского вождя – возлюбленная Кристиана Мауатуа («Изабелла»). Но все-таки поверить в то, что кто-то из них провел английский корабль к далекому острову, – невозможно.

Лучше уж домой, на Таити, чем куда-то в неизвестность.

Версия третья, «британская». Как и при выборе Тубуаи, Флетчер Кристиан узнал об острове Питкэрн не от полинезийцев, а из книг. Среди прочих в судовой библиотечке «Баунти» находился и знаменитый труд Джона Хоуксуорта «Отчет о Путешествиях, Предпринятых по Приказу Его Нынешнего Величества для Совершения Открытий в Южном Полушарии и Успешно Представленных Коммодором Байроном, Капитаном Уоллисом, Капитаном Картеретом и Капитаном Куком на „Долфине“, „Суоллоу“ и „Индеворе“: Составлено из Дневников, которые вели Несколько Командиров, и из Бумаг Джозефа Бэнкса, Эсквайра». Этот солидный трехтомник в дорогом кожаном переплете был издан еще в 1773 году, и в ту пору являлся главным источником «научно-популярной» информации о Южных Морях. Автор сделал увлекательную и весьма познавательную компиляцию из черновиков, набросков и отрывков из судовых журналов четырех кругосветных путешествий прославленных капитанов. Именно из этого

бестселлера, кстати, широкая публика впервые узнала о райских тропических островах Тихого Океана, и, в частности, об Отахеите.

И еще. Кроме книги Хоуксуорта, почетное место в библиотеке Блая, конечно, занимали труды его учителя и кумира – капитана Кука. В том числе и его Отчет о Второй Экспедиции (1772 – 1775), опубликованный в 1784 году.

Можно не сомневаться: Кристиан, подолгу оставаясь один в каюте Блая, тщательно изучил оба этих фолианта. А также все остальные материалы библиотечки «Баунти», касающиеся островов Южных Морей. И, разумеется, он часами с циркулем в руках просиживал и над морскими картами, пытаясь угадать, какая из многочисленных отмеченных там точек – его искомый остров.

А теперь попробуем поставить себя на место предводителя мятежников, понять его логику и представить себе, как было дело.

Итак, для последнего пристанища надо найти остров, который, желательно, был бы:

- пригодным для жизни (то есть, как минимум, с плодородной почвой, съедобной растительностью и пресной водой);
- необитаемым (после неудачи на Тубуаи от туземцев лучше было держаться подальше);
- и недоступным (либо лежащим вдали от возможных морских путей, либо, в идеале, вообще никому не известным, еще не открытым европейскими мореплавателями и потому не обозначенным ни на одной карте).

Долгие попытки мятежного экипажа «Баунти» обнаружить что-то подходящее недалеко от любимого всеми Таити потерпели фиаско. Значит, надо искать в совершенно другом месте – гораздо дальше, где-нибудь в неизученном и пустынном районе, куда корабли поисковой экспедиции Адмиралтейства и не подумали бы соваться.

Таких белых пятен на карте Кристиана осталось всего два: к югу от основных архипелагов Южных Морей и – далеко к востоку, по направлению к острову Пасхи.

Идти на юг – бессмысленно и опасно: на подступах к сороковым широтам дуют холодные ветры, и климат там суровый; замерзнуть или умереть с голоду очень не хочется.

Тогда – на восток, против ветра, вдоль Тропика Козерога? Туда, где до самого южноамериканского континента, кажется, нет ничего? Ничего, если не считать двух крошечных точек на карте: известного всем острова Пасхи – далекого, но, увы, бесплодного и густонаселенного, и еще какого-то Питкэрна.

Что за Питкэрн такой?

Откуда он тут взялся, и что о нем известно?

И вот Кристиан находит у Хоуксуорта цитату из судового журнала капитана Картерета:

«...Мы продолжали следовать нашим курсом вплоть до вечера четверга 2 июля, когда к северу от нас мы увидели землю. При приближении на следующий день оказалось, что это большая скала, поднимавшаяся из моря; она была не более пяти миль в окружности, и казалась необитаемой. Она была, однако, покрыта деревьями, и мы увидели маленький ручей свежей воды, спадавший с одного склона. Я мог бы высадиться, но прибой, который в это время года бушевал с большой силой, делал высадку невозможной. Я определил глубину на западной стороне, меньше чем в миле от берега, в двадцать пять морских саженей, дно коралловое и песчаное, и, вероятно, в хорошую летнюю погоду высадка здесь может быть не только осуществимой, но и легкой. Мы видели большое количество морских птиц, парящих над островом меньше чем в миле от берега, и в море здесь, кажется, есть рыба. Остров лежит на 25°02' южной широты и 133°30' западной долготы, и примерно в тысяче лиг к западу от американского континента. Остров так высок, что мы увидели его на расстоянии более чем пятнадцати лиг, и, поскольку открыл его молодой джентльмен, сын майора морской пехоты Питкэрна, мы назвали его Остров Питкэрна...».

Не более пяти миль в окружности. Деревья. Ручей свежей воды. Много птиц и рыбы. Высокая неприступная скала, но высадиться можно. Плюс, похоже, необитаемая. И главное – далеко-далеко, посреди огромного океана, на краю земли. Идеально место, чтобы затеряться, спрятаться, исчезнуть... Не об этом ли мятежники мечтали так долго?

Но, наверное, окончательное решение созрело у Кристиана, когда он прочитал у Кука:

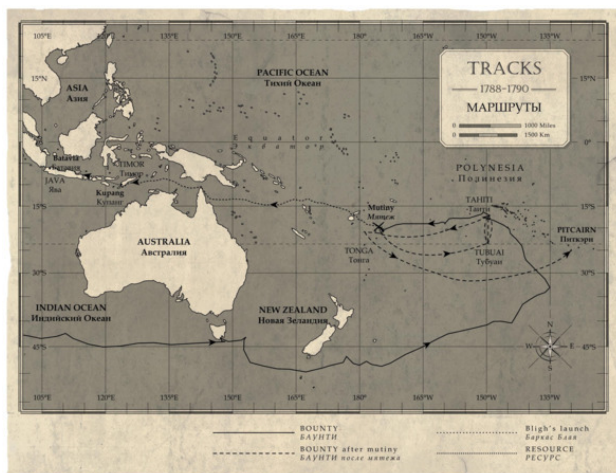
«...Мы шли на северо-восток и в полдень были на 25°01' ю. ш. и 134°06' з. д. Именно здесь должен быть расположен открытый в 1767 г. капитаном Картеретом остров Питкэрн. Хотя, если судить по данным Картерета, этот остров оставался от нас лишь на расстоянии 15 лиг к востоку, никаких признаков земли мы не заметили. Вероятно, его долготные определения неточны и не сверены с астрономическими наблюдениями. К сожалению, состояние здоровья экипажа «Адвенчер» лишило меня возможности определить положение острова Питкэрн...».

Координаты острова неверны! Сам великий Кук не нашел его! Значит, все карты Адмиралтейства врут, и остров находится вовсе не там, где отмечен. И, если только его, не дай бог, не поглотила морская пучина, или он, упаси господи, не исчез с лица Земли по какой-либо другой причине, – это именно то, что нужно.

Во всяком случае, это шанс. И, может быть, последний шанс. Главное – найти этот затерянный и забытый остров. И открыть его заново.

Неизвестно, советовался ли Кристиан с кем-нибудь из экипажа. Возможно, ему пришлось, из последних сил собрав волю в кулак, убедить уставшую и отчаявшуюся команду побойться еще немного. Так или иначе, решение было принято. Выбор сделан.

«Баунти» развернулась и взяла курс на восток, на поиски острова Питкэрн...

Прибытие

«...В январе 1790 года, стоя на палубе «Баунти», Крисчен увидел в океане землю. Быть может, он и его спутники наконец-то нашли дом, который так долго искали? К нему подошел гардемарин Эдвард Янг (так гласит предание) и воскликнул:

– Слева по борту – рай, сэр!

Предводитель мятежников повернулся и со слезами на глазах тихо произнес:

– Запомните мои слова, Янг: окажется ли земля, лежащая слева по борту, раем или адом, будет зависеть только от нас...»

А. Фальк-Рёнке «Слева по борту – рай»

Вечером 15 января 1790 года с борта «Баунти» заметили крошечный островок на горизонте. Это был долгожданный Питкэрн.

Можно себе вообразить, какими глазами смотрели люди на скалу, возвышавшуюся на горизонте...

В Южном полушарии – самая середина лета, но в тропиках непогода. На море сильные волны, и Кристиан не решается подойти близко. «Баунти» ложится в дрейф и на следующее утро медленно обходит вокруг острова... Питкэрн выглядит абсолютно неприступным: кажется, что тут нет ни удобной для высадки бухты, ни даже подходящей якорной стоянки. По всему периметру острова – почти отвесные скалы и мощный шквалистый прибой.

Двое суток проходят в томительном ожидании хорошей погоды. Все это время люди пристально всматриваются в заросли на высоком берегу. Никаких видимых признаков человеческого присутствия, но коварные дикари могут затаиться и ждать, когда кто-нибудь не сойдет на берег.

Наконец, 18-го утром шквал слегка утих, и «Баунти» бросает якорь у северо-западной оконечности острова (сегодня это место именуется Тедсайд; другое название – Место Высадки). На разведку в шлюпке отправляются семь человек: Кристиан, Уильямс, Маккой, Браун и три полинезийца. Янг остается на борту за старшего. Проскочив через коварный прибой, лодка благополучно пристает к скалистому берегу.

К сожалению, история не сохранила для нас, кто первым из экипажа «Баунти» (и первым из европейцев) ступил на землю Питкэрна. Хочется думать, что это был сам Флетчер Кристиан. Люди осторожно, с заряженными мушкетами в руках, выходят на суровый каменистый берег.

Питкэрн. Тедсайд. Место первой высадки мятежников с «Баунти».

Но остров безмолвен, и только кричат потревоженные птицы.

Отряд поднимается вверх по склону, и Кристиан разбивает людей на две группы: одна идет вдоль побережья направо, другая – налево. Договорились встретиться на следующий день на противоположной, восточной оконечности острова.

Вскоре быстро темнеет, и обе группы, на всякий случай выставив часовых, располагаются на ночлег.

Какой она была, самая первая ночь на Питкэрне?..

На следующее утро обе команды, замкнув обход вокруг острова, встречаются. Разведчики радостно обмениваются впечатлениями.

Здесь почти как на Таити! Хлебные деревья, бананы, ямс и батат – в изобилии, всюду густые цветущие заросли, и садовник Браун определил, что почва жирная и плодородная. В прибрежных скалах полно птичьих гнезд, а значит, недостатка в яйцах не будет. Ручья нет,

но в глубине острова тот же Браун обнаружил бьющий родник с превосходной свежей водой (с тех пор это место носит его имя – Brown's Water, Вода Брауна).

Жить можно.

Правда, стало ясно, что когда-то остров уже был населен. Кроме хлебного дерева, батата и ямса (которые, как известно, не могут распространяться без помощи человека), на Питкэрне имелись и другие свидетельства раннего пребывания людей. В нескольких местах разведчики с «Баунти» обнаружили заброшенные марae (полинезийские алтари) и полуразрушенные тики (каменные изваяния). Но их запущенное состояние говорило о том, что предыдущие обитатели давным-давно покинули остров.

И еще. Питкэрн был идеальной крепостью. Высокие отвесные скалы и крутые утесы делали остров совершенно неприступным со стороны моря. Строить замок, как на Тубуаи, не нужно.

Отряд поспешил назад, к «Баунти», – чтобы сообщить главное: остров необитаем и пригоден для жизни!

Долгие скитания закончились. Бесприютные странники наконец-то обрели дом.

В тот же день «Баунти» поднимает паруса, обходит остров и бросает якорь у небольшой бухты на северо-восточной оконечности. Во время разведки, глядя с обрыва, Кристиан увидел, что это место самое удобное для высадки. Но со стороны моря все выглядело немного иначе.

Да, в бухточке прибой бушевал не так сильно, но от самой кромки воды почти отвесно вверх уходил крутой подъем метров в сто высотой. Полинезийцы карабкаются по нему, цепляясь за выступы и торчащие корни, и сообщают, что наверх ведет дорожка, правда, совсем заросшая буйной растительностью.

Кристиан подводит корабль максимально близко к берегу между двух скал, и как только киль «Баунти» касается песчаного дна, бросают якорь. Для большей устойчивости от носа тянут линь и привязывают к дереву на берегу. Теперь судно плотно сидит «на мели».

Начинаются работы по разгрузке. «Баунти» разбирают по частям. Первым делом снимают деревянные крышки люков и скрепленные доски палубного настила – на этих устойчивых и вместительных «плотах» тянут на веревках к берегу все, что только можно.

Сначала – живность, домашний скот и птицу: свиней, коз, кошек, собак, кур. Потом – женщин; маленькую Салли перевозят на берег в бочке. Затем все остальное: паруса и мачты, рангоут и такелаж, бревна и брусья, даже кормовые окна большой каюты, сундуки с одеждой и ящики с провизией, оружие и посуду, железные, бронзовые и медные детали, зерна растений и ростки деревьев, фрукты и овощи... Словом, все, что может пригодиться на острове.

Дальше весь этот громоздкий и тяжелый груз поднимают вверх по склону. Стоит тропическая жара, и люди выбиваются из сил. Позднее этот крутой подъем от Бухты Баунти на плоскогорье назовут Hill of Difficulty (Хилл оф Диффикалти) – Холм Трудности.

Там, на вершине, уже в первые дни мужчины соорудили временные пристанища – палатки из парусов и досок. В этих «жилищах» люди с «Баунти» ночевали, отдыхая от тяжелой разгрузки корабля.

...За три дня от «Баунти» остался лишь остов. Бывшее Его Величества Вооруженное Судно торчало из воды, словно обглоданный скелет огромного морского зверя.

Вечером 23 января 1790 года «Баунти» подожгли. По преданию, это сделал Мэттью Куинтал. Он, скорее всего, был пьян, и подпалил корабль, без всякого сомнения, абсолютно сознательно.

Ему не терпелось поскорее начать новую жизнь. Без начальников и подчиненных, где он был бы сам себе хозяин. Это был вызов, который Куинтал бросал Кристиану.

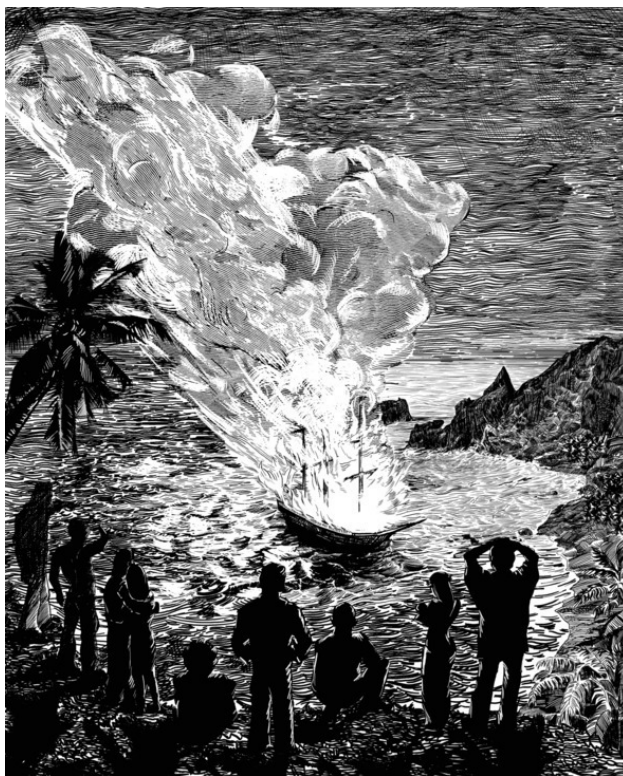
Предводитель мятежников, конечно, тоже не собирался оставлять корабль. Во-первых, как улику (причем весьма заметную: останки «Баунти» могли увидеть в подозрительную трубу с любого проходящего корабля). Во-вторых, – и это самое важное – как надежду. Как шанс –

когда-нибудь покинуть остров и вернуться назад, в прошлую жизнь. Но есть все основания предполагать, что Куинтал поджег «Баунти» самовольно и раньше времени, когда работы еще не были закончены, и не все перевезено на берег.

Иссушенное солнцем дерево вспыхнуло, как порох, и Куинтал спасся, лишь прыгнув в воду. Люди, стоя на берегу, молча смотрели, как пылает «Баунти». Многие плакали. На их глазах сгорал их дом: английские моряки провели на нем более двух лет.

Так, в огне, закончил свои дни бывший английский угольщик «Бетиа» – самый знаменитый парусник всех времен и народов, Его Величества Вооруженное Судно «Баунти».

Эта завораживающая, трагическая и вместе с тем прекрасная картина – пылающий в ночи парусник у экзотического пальмового островка – навсегда станет символом мятежа на «Баунти». И вообще – символом любого мятежа, любой отчаянной попытки бросить вызов всему остальному миру и обрести рай вдали от цивилизации, законов, родины. Бросить все и скрыться на необитаемом острове... Этот мощный, романтический и печальный образ по-прежнему пьянит кровь и волнует умы.

Мятежники сжигают «Баунти» у берегов острова Питкэрн

С тех пор 23 января – главный, «национальный», праздник на Питкэрне. Каждый год потомки мятежников собираются в Бухте Баунти и торжественно сжигают игрушечную копию легендарного корабля.

Поселенцы

*...Земли новые – tabula rasa.
Расселю там новую расу,
Третий мир без деньги и петли.
Ни республики, ни короны,
Где земли золотое лоно.*

*Как по золоту пишат иконы,
Будут лики людей светлы...*
А. Вознесенский «Авось»

Мужчины	Женщины
Флетчер Кристиан	Мауатуа, она же Изабелла
Эдвард «Нед» Янг	Тераура (Сюзанна)
Александр Смит (Джон Адамс)	Пуарай
Мэттью Куинтал	Теваруа (Сара)
Джон Миллз	Вахинеатуа (Пруденс)
Джон Уильямс	Фаахоту
Айзек Мартин	Теехутеатуаоноа (Дженни)
Уильям Браун	Театуахитеа (Сара)
Уильям Маккой	Теио (Мэри)
	Сапли, дочь Теио
Манарии	Марева
Теимуа	
Ниау	Тинафанаеа
Оха	
Титахити	Тоофаити (Нэнси)
Тараро	

Кто они были, эти 28 человек, высадившихся на остров Питкэрн? Пора взглянуть на каждого из них пристальнее.

Мятежники (9 человек)

Флетчер Кристиан, 25 лет. Молодой талантливый моряк, выходец из благородной, но небогатой семьи. Высокий и смуглый, романтический и отчаянный, благородный и нервный. Про таких говорят: тонкая натура. Из-за минутного порыва оскорбленной чести совершил тягчайшее преступление и обрек себя на вечное изгнание. И, как потом выяснится, – на бессмертие.

Эдвард Янг, 24 года. Полукровка с островов Вест-Индии: отец его был англичанином, мать – креолкой. Часто из-за смуглой кожи и «карибского» разреза глаз его называли «метисом» или «мулатом». Среднего роста, неважное здоровье. Ему недоставало нескольких передних зубов, однако это был весьма обаятельный человек, которого обожали таитяне и особенно таитянки. Причина, из-за которой он участвовал в бунте и пошел с Кристианом до конца, неизвестна. Умный и хитрый, он всегда оставался в тени.

Александр Смит (Джон Адамс), 22 года. Сирота и беспризорник из лондонского Ист-Энда, невысокий и коренастый матрос с подозрительным прошлым. Неграмотный. Все тело в татуировках, лицо покрыто оспинами. Любитель и любимец женщин. Самый молодой из всех девяти моряков с «Баунти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.